

Ксения Суранова

404

Квартира

404

Ксения Суранова

Квартира 404

«Автор»

2026

Суранова К.

Квартира 404 / К. Суранова — «Автор», 2026

Вы теряете ключи и находите их там, где уже смотрели. Навигатор ведёт вас по кругу. Ночью стены дышат. Это не глюки. Это ваш дом. Он слушает. Пять жильцов обычной панельки понимают: их дом — живое существо. Оно одиноко, оно крадёт ваши страхи и сны, чтобы чувствовать себя живым. Смогут ли они убежать от бетона, который знает все их тайны? И захочет ли кто-то уходить, когда стены начинают любить? Добро пожаловать в Квартиру 404. Выхода нет. Но вы уже не захотите искать.

© Суранова К., 2026

© Автор, 2026

Ксения Суранова

Квартира 404

Она началась не с шума и не с теней. Она началась с того, что у Андрея сломался будильник. Нет, не сломался — он просто перестал звонить в семь утра и начал звонить в три пятнадцать. Каждую ночь. Андрей просыпался, смотрел на экран, видел «3:15» и чувствовал, что кто-то стоит за дверью спальни. Он вставал, открывал — никого. Но за дверью пахло. Сыростью. И чуть-чуть — мокрым бетоном, как в подвале после дождя. Он не придавал этому значения. Он вообще не придавал значения странным вещам, потому что работал программистом, а программисты привыкли, что мир глючит. Глючит навигатор — перезагрузи. Глючит свет — выкрути пробку. Глючит жена — ну, она в командировке, не до неё.

Но в ту среду утром, когда он вышел из подъезда, смартфон в его руке сам открыл приложение карт, сам вбил адрес работы и сам проложил маршрут. Андрей хотел нажать «Отмена», но палец не слушался. Он смотрел на экран и видел, как зелёная линия маршрута выгибается, как живая змея: от его дома через промзону, мимо старого кладбища, петляла по пустырям, возвращалась к дому, обходила его по кругу и только потом — через четыре часа пути — упиралась в его офис. Андрей усмехнулся, нажал «Закреть» и поехал по памяти. Он доехал за двадцать минут, но когда он вышел из машины и оглянулся, он увидел на заднем сиденье телефон, который сам включился, и на экране горело: «Ты не послушался. Я расстроен». Андрей выключил телефон и засунул в карман. Он не стал никому рассказывать. Он вообще не любил рассказывать. Его мать, царство ей небесное, всегда говорила: «Андрей, ты как стена, всё в себя впитываешь, но ничего не выпускаешь». Она умерла в позапрошлом году, и Андрей тогда впервые заплакал, и ему показалось, что стены в его квартире чуть сдвинулись. Он подумал — от горя. Люди в горе видят странное.

Наверное, это было бы неправильно — сказать, что Ольга знала о доме больше других. Она не знала. Она умела слушать. Она была психологом, и люди платили ей деньги за то, чтобы она сидела и молчала, пока они говорят. Но она научилась слышать не слова, а то, что за словами. Когда её пациентка Наталья, женщина с бессонницей и вечно мокрыми глазами, сказала в середине сеанса: «Мне снится коридор, Ольга Сергеевна, такой длинный, с жёлтыми лампами, и я иду по нему, и в конце вижу дверь, но я боюсь её открыть», — Ольга кивнула, записала. Когда через неделю другой пациент, Михаил, который жаловался на панические атаки в лифте, сказал то же самое: «Длинный коридор, жёлтые лампы, дверь», — Ольга нахмурилась, но не подала виду. Когда третий, четвёртый, пятый повторили это слово в слово, Ольга взяла отпуск за свой счёт и пошла проверять.

Она помнит тот вечер, как сейчас помнит запах сырости на площадке между третьим и четвёртым этажом. Она спустилась по лестнице, присела на корточки, провела рукой по стене. Стена была холодной, гладкой, обычной. Но когда Ольга прижалась ухом к бетону, она услышала внутри не гул труб, а дыхание. Ровное, глубокое. Чьё-то дыхание. Она отпрянула, пошла обратно, но перед её глазами мелькнула дверь — серая, металлическая, с табличкой «404». Ольга моргнула — дверь исчезла. На её месте снова была стена. Но теперь на стене была трещина, которой раньше не было. Трещина изгибалась, как линия на карте. Ольга сфотографировала её на телефон, пришла домой, увеличила фотографию и увидела, что трещина точно повторяет план её собственной квартиры — только зеркально, как будто кто-то перевернул её жизнь. Она не спала ту ночь. А под утро ей самой приснился коридор. Жёлтые лампы. Шахматная плитка. И дверь, которую она не могла открыть, как ни пыталась.

Она проснулась в холодном поту и поняла, что она больше не психолог. Она — пациент.

Семён Иванович был стар. Восемьдесят лет, если считать от роду, и тысяча лет, если считать от того дня, когда он впервые увидел чертежи Штерна. Он помнил то лето — восемьдесят седьмой год, жара, асфальт плавится под ногами, а он, молодой инженер, стоит в строительном вагончике и смотрит на синие листы, разложенные на столе. Штерн — высокий, худой, с глазами безумца — чертил не как все. Он чертил не линии, а лабиринты. Он вписал в проект семь дополнительных коридоров, которых не было в техническом задании. Семён спросил тогда: «Михаил Борисович, зачем?» Штерн поднял на него глаза, и в них было столько тоски, что Семён отшатнулся. «Чтобы они не ушли, — ответил Штерн. — Чтобы они остались». Семён не понял, но промолчал. Он боялся Штерна, потому что Штерн был гений, а гении всегда немного сумасшедшие. Когда дом построили и сдали, Штерна нашли мёртвым в его собственной квартире. Семён приходил на похороны, смотрел на закрытый гроб и думал: «Ты спрятал горе в бетон, да? Ты спрятал его так, что теперь оно живёт само по себе». С тех пор прошло много лет, Семён постарел, его жена умерла, дети уехали, и он остался один в четырёхсот двенадцатой квартире, которая каждый день казалась ему чуть теснее, чем вчера. Он не выходил на улицу уже два года. Он боялся, что дом не пустит его обратно. Или что дом уже решил, что он должен остаться внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.